

Президент «Ливадийского клуба» Игорь Шатров: «Абхазия становится эпицентром важнейших мировых событий»

Независимость Абхазии и Южной Осетии - это единственная российская внешнеполитическая «инициатива», которую мир был вынужден принять, так сказать, по умолчанию.

На острие внешнеполитического вектора кавказ-

ской политики России в 2010 году будут находиться Абхазия и Южная Осетия. Я бы не рассматривал в дальнейшем эти два новых государства сугубо в контексте российско-грузинских отношений. Теперь в отношении каждого из трех государств - Грузии, Абхазии и Южной Осетии - Россией проводится отчасти взаимовыгодная, но все же отдельная политика. Также считаю, что в дальнейшем при моделировании внешнеполитических сценариев необходимо разделять и сами новые государства. Их связь, вызванная обстоятельствами непреодолимого характера, теперь только вредит делу. Аб-

хазия и Южная Осетия будут развиваться по-разному. РА, в отличие от РЮО, взяла бесповоротный курс на реальную независимость. Курс этот всячески поддерживает Россия. По этой причине маленькая причерноморская республика становится эпицентром важнейших мировых событий. Через нее проходит своеобразный «геополитический хребет», разделяющий мир по полюсам. Россия, которая взяла на себя роль гаранта абхазской независимости, заинтересована в становлении абхазской государственности. Однако чтобы не стать заложником собственного решения о признании независимости

Абхазии, Россия, во-первых, будет стремиться к увеличению числа своих союзников в этом вопросе. Причем это будет одновременно и тестом на лояльность России, как одному из мировых полюсов. Это немаловажно, потому что до последнего времени мировое сообщество вынуждено было мириться с жесткими поступками только одной страны. Во-вторых, Россия всячески будет поддерживать стремление Абхазии к созданию правового государства с развитой экономикой, чтобы иметь впоследствии возможность на примере подтвердить верность принятого в критической ситуации ре-

шения. Россия намерена не «продавливать» в мировом сообществе абхазскую независимость, а сделать так, чтобы это сообщество убедилось само в способности абхазского государства. Пока же приходится признать, что независимость Абхазии и Южной Осетии - это единственная российская внешнеполитическая «инициатива», которую мир был вынужден принять, так сказать, по умолчанию. Нам остро необходима дальнейшая положительная динамика на этом внешнеполитическом направлении.

О «Ливадийском клубе»
Центр изучения коммуникационных технологий и

интеграционных процессов на постсоветском пространстве и в странах Евросоюза «Ливадийский клуб» был основан в 2006 году по инициативе группы российских и зарубежных экспертов. «Ливадийский клуб» - это независимая экспертно-аналитическая организация, занимающаяся оценкой и прогнозированием развития политических, социальных, экономических, культурных процессов на региональном и геополитическом уровнях. Клуб открыт для новых локальных и глобальных инициатив и готов предложить свои интеллектуальные ресурсы для их поддержки.

По законам Апсуара

Михаил Лакербай

АРГУН СЕЙДЫК

Была темная осенняя ночь, и за стенами пацхи неумолчно барабанил дождь. Внезапно во дворе раздался яростный лай собак, и, перебивая его, до Джарназа донесся крик:

— Эй, хозяин!

Эш Джарназ поспешил навстречу гостю, и, к великой радости, узнал в нем своего старого закадычного друга.

— Это ты, Кучита? Вот обрадовал! Добро пожаловать! Заходи, заходи сюда! — суетился Джарназ. — Наконец-то ты вспомнил обо мне.

Он ввел друга в дом и познакомил со своей молодой женой.

— Принимай гостя! — сказал он жене. — Мы с ним друзья детства, вместе воспитывались у нашего учителя, уважаемого всеми Аргуна Сейдыка.

Женщина принялась готовить ужин, а друзья, уютно устроившись, начали вспоминать свое детство, советы и наставления старого Сейдыка. Сладко им было поговорить о былом.

— А как живет Сейдык? — спросил Кучита. — Давно я его не видел, не меньше восьми лет.

— Нехорошо! — заметил Джарназ. — Совсем забросил старика. А он каждый раз спрашивает, все интересуется тобой. Я его часто навещаю.

— Ну, тебе ближе, — оправдывался Кучита. — А я ведь живу от него так далеко! Редко приходится приезжать в эти места. Да и теперь, если бы не важное дело...

— Если бы не это важное дело, ты бы и не вспомнил обо мне? — упрекнул друга Джарназ. — Что же это за дело? Кстати, как твоя женитьба на Назире?

— В том-то все и дело, Джарназ. Родители дали наконец согласие, а она сама, понимаешь, упрямится!

— Почему же? Раздумала, что ли?

— Нет. Но она требует от меня почти невозможного. Чего же?

— Джарназ, ты видел вороного коня Арыша Хабуга?

— Ну, конечно, видел. Ведь это лучший конь в нашей округе.

— Да, Джарназ. И надо было, чтоб на чьих-то поминках во время джигитовки Назира увидела этого коня. Чего только ей не говорили о его достоин-

долго молчал Джарназ. — Нет, придется идти мне самому, без тебя, — решил он. — В таком деле чем меньше людей, тем лучше. Хабуг надежно охраняет своего коня. Псы у него злые, никого ко двору не подпустят.

— Тебе видней, Джарназ. Я во всем тебе повинуюсь.

Ужин тем временем поспел, и друзья сели к столу. Они пили и ели, один за другим поднимали тосты за молодую хозяйку Асию, за упрямец Назиру, за учителя, старика Сейдыка, за успех предстоящего дела. После ужина Джарназ обратился к жене:

— Постели постель, Асия! Устрой хорошо нашего дорогого гостя. Я уезжаю по неотложному делу, постараюсь вернуться к утру. А ты, — сказал он гостю, — ложись и отдыхай спокойно.

Джарназ плотно завернулся в бурку и, выйдя из пацхи, бесшумно скрылся в темноте.

Нелегким оказалось дело, затеянное Джарназом! Мы не станем сейчас рассказывать, с каким трудом в непогоду пробрался он незамеченным в село, где жил Арыш Хабуг, как обманул псов и проник в его двор и конюшню. Заметим лишь:

если уж брался за что-нибудь Джарназ, то непременно доводил начатое до конца. Таков был у него характер. Это был смелый, ловкий и удачливый джигит.

Рассветало, когда Джарназ вернулся домой. Но едва он раскрыв двери и переступил порог пацхи, как его поразила неожиданная картина: на кровати, развалясь, храпел Кучита, а у окна в углу робко жалась Асия; длинные ее волосы были распущены, одежда разорвана... Обнаженные плечи Асии судорожно вздрагивали, по щекам катились слезы.

Сердце Джарназа мучительно сжалось: он понял все, что произошло в эту долгую тяжелую ночь. Но он не проронил ни слова. Подошел к кровати и энергично толкнул гостя в плечо. Кучита открыл глаза — и обомлел от испуга.

— Вставай, Кучита! — услышал он недобрый голос Джарназа.

Кучита вскочил и начал торопливо одеваться. В комнате их было трое — и сколько бы мог сказать каждый из них! Но они молчали.

Джарназ протянул гостю его нагайку.

— Возьми, — холодно бросил он. — Конь Арыша Хабуга, оседланный, ждет тебя в хлеву. Там же и твой конь.

Терзаемый стыдом, взял Кучита протянутую нагайку и вышел из пацхи. Когда он выехал уже со двора, Джарназ неожиданно крикнул:

— Стой, Кучита! — Он подошел к нему вплотную. — Я ничего не сделаю с тобой — ты мой гость. Только прошу об одном: поезжай к нашему старому учителю Аргуно Сейдыку и расскажи ему все, что произошло в эту ночь. Это единственное, о чем я тебя прошу. Исполнишь?

— Исполню, — глухо ответил Кучита. И они расстались.

Вернувшись домой, Кучита укрыл в надежном месте коня Хабуга и снова отправился в путь: он ехал к старому Аргуно Сейдыку.

Внимательно слушал учитель своего бывшего воспитанника. Трубка давно погасла в его руках. Он слушал и думал.

— Да-а, — наконец вымолвил он. — Правильно поступил Джарназ, погнав тебя ко мне, — ко мне, тебя воспитавшему. В том, что ты оказался способным совершить подлый, бесчест-

ный поступок, виноват не только ты. В этом прежде всего виноват я. Видно, не сумел воспитать из тебя благородного человека!

Кучита стоял опустив голову. Он еле держался на ногах.

— Да, правильно поступил Джарназ, погнав тебя ко мне! — повторил старик, и расслабленный голос его окреп. — Это я, я виноват, и я должен ответить за твой подлый поступок!

И, достав пистолет, Аргун Сейдык решительно приставил дуло к своему виску.

Юноша бросился к учителю, но было уже поздно...

ОТЕЦ

Таркил Шьяаб имел единственного сына, звали его Ардашин. Почтенный был человек Шьяаб, умный, добрый и справедливый. Его уважали все. А сын выдался не в отца.

Рано лишившись матери, Ардашин был отдан на воспитание родственникам. Многочисленное и воинственное племя Таркилжило неподалеку от нынешнего Нового Афона в горном селении Таркил-Ахуца. Сын Шьяаба воспитывался здесь до двадцати лет. Он часто навещал отца, который не чаял души в сыне. Баловали его и родственники. Ардашин не знал ни в чем отказа.

А излишние ласки и любовь без меры всегда доведут до беды.

Однажды мимо дома Таркила Шьяаба, расположенного у самого моря в селе Псырцху, проезжала группа всадников-бзыбцев. Они возвращались со свадьбы, все были напевом и распевали задорные песни.

Их поведение разозлило Ардашина: он усмотрел в этом непочтительность к дому своего отца. И хотя старого Таркила Шьяаба дома не было — он уехал погостить в Самурзакан, юноша до того рассвирепел, что встал на дороге и приказал всадникам замолчать. Но бзыбцы не обратили на него внимания и продолжали петь. Тогда Ардашин выхватил пистолет и, не долго думая, выстрелил в бзыбцев. Пуля, к счастью, не задела никого из всадников. Она попала в голову одного из коней, конь рухнул наземь, а разгневанный всадник от ветным выстрелом убил Ардашина наповал.

Весть о гибели сына Таркила Шьяаба мгновенно облетела всю округу. Под-

нялись на ноги все люди из рода Таркил. Бзыбцы погнались коней, чтобы скрыться, однако их настигли, обезоружили и пригнали обратно в Псырцху. Здесь их заперли в подвал, и гонец поскакал с печальной вестью в Самурзакан.

Убийца Ардашина принадлежал к роду Цвижбы, тоже многочисленному и сильному.

Все Цвижбовы, способные носить оружие, поднялись на защиту своего сородича. Верхом, вооруженные, поскакали они в Псырцху.

По обеим сторонам реки расположились, как на войне, друг против друга, люди двух фамилий. На правом берегу — Цвижбовы, на левом — Таркилы. Вот-вот должна начаться кровавая схватка.

Но ей помешал возвратившийся Шьяаб.

Он подробно расспросил всех о происшедшем. Потом, после долгого раздумья, старик пригласил на свой двор десять представителей из рода Цвижбы и столько же из рода Таркил. Когда все собрались, Шьяаб приказал развязать бзыбцев и привести их вместе с убийцей. Все с напряжением ждали, что скажет Таркил Шьяаб.

И вот он заговорил.

— Мой любимый сын Ардашин сам виноват в своей гибели, — неожиданно для всех сказал старик. — Но не меньше виноваты и мы, уважаемые мои родственники. Плохо вос-

Михаил Лакербай

Тот, кто убил мать

питали мы Ардашина. С его характером он все равно не смог бы прожить. Трудно было Цвижбовым сдержаться.

Он помолчал, потом повернулся к убийце:

— Юноша Цвижба, как зовут тебя?

— Ардашин, — проговорил тот упавшим голосом.

— Ардашин? — удивленно переспросил старик Таркил Шьяаб. — Я усыновил тебя, Ардашин. Был у меня свой Ардашин — и будет. Хочешь ли ты заменить мне погибшего сына?

— Я сирота! — воскликнул бзыбец и бросился к старику. — Моего отца убил, когда я еще был младенцем. Я не помню его. Клянусь любить тебя, как родного отца! Любостью и уважением я искуплю свою огромную вину перед тобой.

И юноша стал целовать руки старика.

Тогда, заключив его в объятия, Таркил Шьяаб прослезился, впервые, быть может, за всю свою долгую жизнь.